

Роль аксиологического аспекта в формировании нового научного знания¹

НАТАЛИЯ В. ДАНИЛЕВСКАЯ
(Пермь)

Интерес к человеку, охвативший лингвистику в последние годы, развернул ее в сторону говорящей личности и сделал последнюю точкой отсчета многих исследований (Матвеева 1998: 185). Это позволило «увидеть» язык как средство отражения мыслительной деятельности, поэтому изучение языка понимается сегодня как косвенное изучение познания, а лингвистике отводится приоритетная роль в когнитивных науках (Панкрац 1992: 79). Далеко не последнее место в контексте когнитивных исследований занимает функциональная стилистика, особенно те ее исследования, которые посвящены анализу научного текста (см. Баженова 2001; Данилевская 2001; Кожина 2001; Котюрова 1988, 1996; Рябцева 1992 и др.).

По мнению Ф. Кликса, язык представляет собой мыслительный процесс, основанный на использовании знаний, содержащихся в голове человека (Кликс 1983: 259). При этом все объяснения реальных (и идеальных) объектов выступают в форме их вербализованного описания, т.е. представляют собой языковой *текст* – устный или письменный. Иначе говоря, в основе текста как вербального продукта познания

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 05-04-82408а/У «Научный дискурс в аспекте стереотипности и креативности»).

действительности лежит знание как процесс и результат познавательной деятельности человека.

Известно, что понятие «знание» имеет многоаспектный характер и широкий диапазон значений: от научного до ситуативно-бытового. Собственно **научное знание** определяется в литературе по-разному: как «эмпирически и теоретически обоснованная картина видения реальности» (Швырев 1988: 169); «социокод», т.е. независимое от субъекта существование в социальной памяти общества накопленных в результате его развития фактов, представлений, суждений о реальной действительности (Петров 1992: 20-21); система интеллектуальной деятельности с составляющими ее подсистемами в виде эмпирических фактов, законов, теорий (Ракитов 1977: 142); зафиксированное в эксперименте (наблюдении) событие (свойство, отношение и пр.), или факт, истинное значение которого раскрывается только на основе соответствующей теории (Славин 1876: 52) и т.п. Самое же широкое представление о научном знании связано с пониманием его как интернациональной системы накопленных и потенциальных сведений о законах развития и бытия человеческого общества и природы. Как видно, независимо от угла зрения на содержание данного понятия, в нем всегда существует нечто общее: это продукт целенаправленной человеческой деятельности, существующий как объективная информация об окружающей действительности в системе подобных продуктов.

Функционально-стилистический анализ целого научного текста позволяет рассмотреть знание с точки зрения его фиксации, текстообразующей роли, т.е. в плане отражения его формирования и выражения в тексте с акцентом на процессе производства *нового знания* по отношению к наличной системе научной информации. В этом смысле *знание* оказывается неким центром познавательной деятельности как таковой, ее целью, смыслом и содержанием.

Понимаемое таким образом, знание как объект анализа научного текста предстает в виде целого, а его составляющими (по закону «часть – целое») являются **старое (известное) знание** и **новое (неизвестное) знание**, как компоненты развиваемого и выражаемого автором в тексте концептуального знания о предмете (явлении, свойстве) действительности.

Деление научного знания на компоненты «старое – новое» связано с самой природой познания, т.е. имеет гносеологические корни. Так,

например, в психологии и философии высшим уровнем понимания считается момент не-понимания (Розов 1977; Гусев, Тульчинский 1985; Мамчур и др. 1989; Смирнов 1966; Лурия 1975; Леонтьев 1975 и др.), когда постигнутое и освоенное знание вынуждает субъекта фиксировать в своем сознании переход на следующий виток осмысления действительности, т.е. переход к рождению нового знания. Ср. мысль о том, что высший уровень понимания не вынуждает заранее согласиться с постигаемым, напротив, он «по иному использует текст – не для стимуляции новых текстов, но для стимуляции превращения собственного сознания в способное ассимилировать новую реальность» (Мухелишвили, Шрейдер 1989: 14.). Иными словами, с высшим уровнем понимания мы сталкиваемся тогда, когда деятельность, направленная на постижение действительности, подводит нас к необходимости преобразования как собственной, так и общенаучной системы знания, к ментальному творчеству по выработке *нового* знания. Следовательно, можно говорить о том, что знание, представленное как единство противоположностей «старое – новое», обладает текстообразующим потенциалом и может быть рассмотрено с этой точки зрения.

Очевидно, что текст-строительная функция компонентов старого и нового знания связана с их взаимодействием, переплетением в процессе развертывания содержания целого текста. Закономерно, что в функциональной стилистике, социо- и социопсихолингвистике коммуникативно-познавательный процесс соотносится с диалогичностью речи, благодаря чему общение (в том числе в научной сфере) выступает как процесс познания, или как взаимодействие сознаний в рамках познавательной деятельности (см. работы А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, Т.М. Дридзе, И.А. Зимней, Г.М. Кучинского, В.С. Библера). Применительно к проблеме текстообразования идею познавательного диалога можно осмыслить как взаимодействие, переплетение, «переключку» компонентов известного и неизвестного знания в процессе формирования, развития и выражения в речевой ткани нового (=концептуального) научного знания. При этом компоненты знания (известное и неизвестное) являются, на наш взгляд, единицами смысловой структуры научного текста, поскольку формируют его содержательный и – главное – концептуальный план.

Компоненты старого (известного) и нового (неизвестного) знания – это материализованные в поверхностной ткани произведения

аксиологически определенные смыслы, в своей целостности репрезентирующие пошаговую динамику познавательного-коммуникативной деятельности ученого, направленной на выработку и обоснование в тексте нового научного знания. Понимаемые таким образом, старое и новое знание являются текстовыми единицами, т.е. выражают типовую содержательно-смысловую структуру научного произведения, связаны с реализацией познавательной целеустановки автора и его ориентации на читателя в процессе креативной деятельности, характеризуются структурно-содержательной целостностью и «текст-строительной» функцией. При этом взаимодействие компонентов старого и нового знания в процессе развертывания текста обеспечивает его содержательную, смысловую и композиционную целостность.

Особенно важно то, что в процессе объективации в речевой ткани произведения научного знания более важным оказывается не *научно старое*, т.е. уже известное науке, зафиксированное в каких-либо предшествующих текстах (интертекстуальное знание), а **коммуникативно старое**, известное из левого контекста данного конкретного научного произведения (интратекстуальное знание), т.е. знание, посредством которого в определенном дискурсе идет поэтапное развитие научной концепции, когда новое «выдается» автором по незначительным крупницам на фоне неоднократно воспроизведенного предшествующего знания, ставшего в силу своей коммуникативной узнаваемости ясным для читателя. Иначе говоря, контекстуально известное знание служит в тексте интеллектуально-мнестическим проводником нового, которое оказывается возможным и коммуникативно-релевантным только на основе первого.

Ср., например, такие частотные в научных текстах средства, как *ранее мы отмечали, что; в предшествующем разделе мы говорили о том, что; как мы подчеркивали; как было отмечено ранее; мы неоднократно упоминали о; подчеркнем / повторим / напомним еще раз* и т.п. С помощью таких единиц в ткань текста вводятся повторы тех компонентов знания, которые непосредственно относятся к авторской концепции, т.е. собственно новому научному знанию.

По мере перехода гипотетического знания во все более доказанное растет уровень концентрации коммуникативно старого знания на страницу текста, что связано с процессом накопления знания об исследуемом объекте в рамках отдельно взятого коммуникативного

акта. Поэтому во второй половине текстового пространства и особенно на завершающих этапах его развертывания появляется эффект «смысловой атаки» (со стороны автора) новым знанием на воспринимающе-интерпретирующую деятельность читателя: в этих частях текста элементы нового концептуального знания особенно частотны, при этом они буквально «утопают» в окружении элементов коммуникативно известного концептуального знания. Иными словами, в таких частях текста научно новое знание характеризуется наибольшей плотностью на единицу текстового пространства, а интенсивность его выражения достигает наивысшей силы. Части текста, которым свойственна наибольшая плотность нового научного смысла (это обычно фрагменты, посвященные обоснованию и обобщению авторской гипотезы), можно назвать частями «концептуального взрыва». Здесь обычно уже незначителен объем интертекстуального знания, но зато существенно увеличивается объем собственно авторского, нового знания, а соответственно – плотность интратекстуального чередования, связанного с формированием и выражением именно нового знания (Данилевская 2001: 196-204).

Сказанное позволяет говорить о том, что взаимодействие компонентов старого и нового знания является механизмом текстообразования в научной сфере деятельности.

Вместе с тем это действительно лишь механизм развертывания познавательного дискурса. Как и всякий механизм, он имеет, если можно так сказать, свою энергию, свой когнитивный стимул-мотор, в качестве которого выступает, по нашим наблюдениям, оценка. И это вполне закономерно, поскольку операция оценивания лежит в самой природе сознания и познания как целенаправленной деятельности. По мнению А.А. Потемби, в языке все оценочно, а выражение мысли всегда сопровождается сопоставлением с иной мыслью.

Искомое, как правило, выступает в виде некоторой проблемы, возникающей под влиянием новых потребностей, порождаемых уже достигнутым уровнем знаний. Значит, поиск никогда не начинается с нуля, а ведется при наличии какого-то минимума информации, которая используется ученым либо в качестве опоры (позитивная оценка наличного), либо отвержения (негативная оценка наличного). При этом оценка наличного оказывается одновременно оценкой нового, выраженной в изложении открыто или «спрятанной» в подтексте.

Знание может считаться научным лишь при выявлении автором определенных отношений, характера связей или зависимостей между новым и существующими научными теориями. Таким образом, новое возникает как акт оценки «старого», причем сама оценка совершается в терминах возникающего нового знания (Петров 1991: 65).

Таким образом, можно сказать, что научное знание в целом (и новое, в частности) **изначально оценочно**, или – шире – **аксиологично**. Аксиологический характер научного знания порождается самой природой научного творчества как специфической отрасли человеческой деятельности, направленной на формирование ценностной информации об объективном мире. Так, целью всякого научного поиска является открытие и формулирование какого-либо свойства объекта действительности, закономерности или закона его функционирования и пр. При этом всякий акт поиска, фиксируемый в тексте, уже потенциально «претендует» на то, чтобы быть истиной, или, в терминах аксиологии, – научной ценностью. Последняя же возможна именно как высший уровень аксиологической цепочки, характеризующей специфику познавательной деятельности в науке: оценка – норма/закон/закономерность/тенденция – ценность. Иными словами, оценка – это первый необходимый шаг в движении знания от не-знания к знанию в его новой (впервые устанавливаемой ученым в тексте) или обновленной ипостаси. И в этом смысле вполне правомерно говорить о принципиальной важности оценки для процесса выработки и формирования *нового* научного знания.

Посредством интертекстуального взаимодействия компонентов знания (взаимодействия научно старого и научно нового знания) научный текст реализуется как факт социально значимого явления. Посредством интратекстуального взаимодействия компонентов знания (взаимодействия коммуникативно старого и коммуникативно нового знания) в тексте осуществляется динамика самой мысли, ее поэтапного перехода от старого знания, уже известного в данном дискурсе, к новому, еще не выраженному. При этом важно, что именно оценка является основой формирования и развертывания в тексте концептуального знания. Эксплицитно или имплицитно выраженная, она всегда связана с авторским выбором той или иной концепции, идеи или просто суждения, мнения, утверждения, факта как определенной (позитивной или негативной) научной ценности. По мнению В.Ф.

Навозова (Навозов 1969), В.С. Швырева (Швырев 1984), С.Б. Крымского (Крымский 1974), В.С. Библера (Библер 1998), А.А. Ивина (Ивин 2000) и др., оценка задает перспективу познавательного процесса и служит первым необходимым шагом в движении познания от не-знания к знанию в его новой (впервые устанавливаемой ученым) или обновленной ипостаси. Оценка наличного оказывается одновременно оценкой *нового*. Знание может считаться научным лишь при выявлении автором определенных отношений, характера связей или зависимостей между *новым* и существующими научными теориями, а также между старым, уже известным читателю из левого контекста и новым, впервые (в данный момент) выражаемым в изложении.

По мнению В.С. Швырева, степень «вращенности» субъекта в определенный способ видения действительности предполагает субъект-объектные отношения «встречи» различных сознаний, соотношение их позиций и соответствующего их перестроения» (Швырев 1988: 171.). Именно установление взаимоотношений (со знаками «+» или «-») между различными субъектами научного сознания, точнее между сознаниями различных субъектов, служит неявной предпосылкой смыслообразования (там же, с. 174-175). Кстати, гипотетические посылки (как начальное обозначение в тексте нового знания) оказываются таковыми только потому, что, по мнению А.В.Славина, рядом с ними «имеются посылки, истинность которых уже установлена» (Славин 1976: 70), поэтому «никогда не бывало никакого нового знания, которое до некоторой степени не определялось бы знанием, ему предшествовавшим» (Бунге 1967: 110). Более того, рациональным поведением человека управляет система ценностно-ориентировочных установок его сознания. Эта система основана на принятых в обществе правилах, нормах, схемах рационального поведения: «Эффективным и адекватным ходом в каждой партии «игры» того или иного типа становится такой ход, который делается в соответствии со сложившимися в обществе рациональными схемами» (Крымский 1989: 89). Следовательно, оценочный характер научного знания определяется не только гносеологией познания и традициями научного творчества, но и целесообразностью, разумностью познавательных действий, всегда направленных в науке на получение истинного знания.

Итак, природа познания глубоко оценочна. Каковы же функции оценки в научном дискурсе? Выступая, как было отмечено, стимулом

взаимодействия (динамики чередования) компонентов старого и нового знания, оценка пронизывает все моменты их переплетения, т.е. участвует в формировании и оформлении текстовых стыков научно известного с научно новым и коммуникативно известного с коммуникативно новым знанием. При этом оценка сопровождает все мыслительные действия автора: 1) действия, направленные на формирование содержания нового знания (онтологический аспект эпистемической ситуации); 2) действия, направленные на определение путей и способов решения научной проблемы (методологический аспект эпистемической ситуации); 3) действия, направленные на выражение в тексте личностного, авторского отношения к предмету мысли, а также действия, специально адресуемые автором предполагаемому читателю (аксиологический аспект эпистемической ситуации).

Понятие эпистемической ситуации (ЭС), введенное в научный обиход М.П. Котюровой (Котюрова 1988, 1996), сегодня широко используется в функциональных, в том числе функционально-стилистических исследованиях. Это понятие отражает обобщенное представление о комплексе экстралингвистических факторов, лежащих в основе познавательной деятельности и предопределяющих специфику стилистико-речевой организации научного текста.

Выше мы отметили, что оценка пронизывает все аспекты эпистемической ситуации, т.е. все ее аспекты, по сути, аксиологичны. При этом каждый из названных аспектов включает в себя целый ряд собственных познавательных действий, посредством которых в тексте реализуется содержание того или иного аспекта. Здесь важно, что оценка непосредственно участвует в формировании и выражении каждого познавательного действия, но главное – посредством оценки, явной или скрытой, осуществляется взаимосвязь этих действий, реализующихся в текстовой ткани как та или иная разновидность одного из компонентов знания, т.е. как научно / коммуникативно новое или научно / коммуникативно старое. К сожалению, рамки статьи не позволяют рассмотреть данный вопрос более или менее полно, поэтому покажем соотношение оценки и мыслительной динамики только на примере одного познавательного действия, формирующего онтологический аспект выражаемого в тексте научного знания, а именно на примере **операции пояснения**.

Оценка смыслового пояснения – это частное познавательное действие, направленное на фиксацию важности (необходимости, значимости) представления в конкретном фрагменте смыслового развертывания поясняющего аргумента в пользу высказанного положения.

Логическая операция пояснения понимается как «прием, с помощью которого предмет определяется не вполне, а лишь в одном каком-либо отношении и с определенной целью (которая может состоять и в том, чтобы подготовить полное логическое определение)» (Кондаков 1971: 158-159). *Русская грамматика* 1980 г. дает следующую трактовку поясняющих отношений: «При собственно пояснении... два разных обозначения отнесены к одному и тому же предмету ... При этом первый и второй члены или дают разные названия одному и тому же..., или первый член ряда уточняется, конкретизируется вторым ..., или второй член ряда служит раскрывающим перечнем ... Пояснение ... разъясняет (толкует), конкретизирует или оценивает» (*Русская грамматика* 1980: 174).

Для нас важное значение в данных утверждениях имеет мысль о том, что пояснение, «работая» по принципу «о том же самом, но другими словами», толкует предшествующий «член ряда», тем самым с определенных позиций (обычно с точки зрения своей концепции) выполняет по отношению к нему оценивающую функцию. Представляется, что пояснение – это и есть ментальная оценка предмета речи с точки зрения его иного понимания и выражения (вербального представления). Пояснить – значит растолковать другими словами, тем самым дав реципиенту возможность подойти к пониманию содержания предмета с другой стороны, попытаться посмотреть на него иначе. Что же касается утверждения о неполноте определения предмета речи в рамках операции пояснения (см. определение, данное логическим словарем), то здесь прежде всего имеется в виду не частичное пояснение какой-либо мысли, а именно пояснение какой-либо ее части, когда поясняющая оценка относится к слову, словосочетанию простого или части сложного предложения.

Обычно оценка при операции пояснения стимулирует движение мысли от компонента коммуникативно известного знания к компоненту коммуникативно неизвестного знания, однако чтобы определить место этих компонентов в системе научного знания (научно старое – научно новое знание), необходим более широкий контекст.

Поясняющие высказывания преимущественно являются эксплицированными и вводятся в текст пояснительными союзами *то есть*, *а именно*, *именно*, *или*; вводными словами и словосочетаниями *иначе*, *значит*, *иными словами*, *иначе говоря*, *другими словами*, *лучше сказать*, *короче говоря*, *иначе выражаясь*, *в смысле*; односоставными и двусоставными конструкциями *Под... понимается*, *Под... мы понимаем* и т.п., а также частями сложноподчиненного предложения *Мы имеем в виду, что*; *В том смысле, что* и т.п. Например: «...нет и теории самого невозмущенного начального состояния, в том смысле, что нет теоретического вывода...» (Зельд., 8); «...механизм языкового порождения нацелен... на порождение целых высказываний, а не на алгоритм простого сложения слов. Другими словами, коммуникативная направленность высказывания...» (К., 53); «Рассмотрение языка с той или иной, но одной стороны может раскрывать только одну, **или** поверхностную сторону языка, **а именно** его возможные особенности...» (там же, 58); «Под авторским словом **понимается** повествование...» (Дол., 224) и др.

Оценка при пояснении может оформляться в тексте и графическими средствами – скобками, двоеточием или тире, а также нередко случаи совмещения символического и вербального пояснения. Ср.: «В нашей работе рассматриваются отвлеченные (ментальные) концепты» (Сер., 26); «Выше этот вопрос – как **выражается** идеологическая позиция автора в тексте, где авторский голос не звучит вовсе – был поставлен в связи с повествованием...» (там же, 212); «...литовский суперэтнос развивался параллельно с русским: **находился в стадии пассионарного подъема...**» (Чер., 163); «...изобразительность стиля самим своим наличием, своей интенсивностью, способами своей реализации (**проце говоря, тем, в чем и как она проявляется**) в конечном счете также характеризует повествователя...» (Дол., 258); и др.

В текстах точных наук оценка при пояснении часто осуществляется языком формул, ср.: «Согласно нашей гипотезе на начальный момент $t_0 = 10^{-43}$ сек порядок величин M^{β}_a для всех мод всех трех типов должен быть одинаков. Иными словами $c_2 \eta_0 \approx c_6 n \approx c_2 r_0 = f(n)$ » (Зельд., 10); «Формула (4) позволяет оценить область в пространстве поперечных энергий, в которой находится большинство квазиканализированных электронов на глубине z : $0 < E_{\perp} < E^{\max} = z\delta[1 + (1 + 2U_m/z\delta)^{1/2}]$ » (Ком., 44) и др.

В процессе вербализации ментальной познавательной деятельности ученого оценка при пояснении может сливаться с оценкой,

сопровождающей уточняющие познавательные действия, в результате чего одно и то же высказывание оказывается бифункциональным и выступает как уточняющее пояснение. Ср.: «*Определение сознания в качестве идеального выражает специфическое содержание категории сознания, а именно: тот аспект содержания этой категории, благодаря которому она логически противопоставляется категории материи*» (Дубр., 16); «*Это достигается путем введения в язык новых правил, регулирующих или надсинтаксическую структуру временных членений (как в поэтическом языке), или форму языковой изобразительности, то есть способ построения описываемых ситуаций (как в художественной прозе)*» (Жин., 21); «*...для них характерно наличие "жестких" (отвечающих большим значениям частоты ω_0 оптических мод*» (Гинз., 577) и др. Выражаемая в первой части таких структур мысль оказывается не совсем понятной и ясной для читателя, поэтому во второй части высказывания она подвергается автором одновременно и содержательному сужению (уточняющей оценке), и содержательному расширению (поясняющей оценке), благодаря чему адресат получает возможность сопоставить содержание обеих частей и понять и ту и другую более четко и конкретно.

Интересны также случаи, когда поясняющее уточнение «*сильно развивает*» предшествующую мысль, в результате чего уточняемое обогащается содержательно, т.е. происходит прирост нового знания. Речь идет о моментах перехода поясняющих уточнений в собственно объяснение.

Приведем пример, где подчеркнутая часть предложения – это та главная содержательная новизна, ради которой, собственно, автором и предпринимается осложненное уточняющими и поясняющими отношениями объяснение. Однако в процессе объяснения выражаемая автором точка зрения (концептуально новое знание) расширяет свои смысловые границы, так сказать «*обрастает*» новизной посредством контекстуально нового знания (далее в примерах «*новое знание*» – НЗ): «*Даже если усложнить язык, ← [уточнение (+ НЗ)] кроме имен ввести другие разряды слов и добавить какие-либо правила, но оставить фиксированность языка, ← [пояснение] т.е. прекратить генерацию языковых средств, сохраниться полное соответствие языка и мышления. ← [пояснение = объяснение (+ НЗ)] (Это распространяется на всякий мертвый язык: [1-е уточняюще-поясняющее объяснение (+ НЗ)]*

вследствие конкретной единичности конкретных значений мертвый язык всегда будет содержать конечное число высказываний. Живой человеческий язык не фиксирован. Посредством ограниченного числа языковых средств может быть высказано бесконечное множество мыслимых содержаний). ← [2-е уточняюще-поясняющее объяснение (+НЗ)] *Это достигается благодаря особому механизму – механизму мета-языка...»* (Жин., 13).

Еще пример: «*Всякий повествователь не только субъект, но и объект изображения, а повествователь “остраненный” – вдвойне или втройне: ← [1-е уточняющее пояснение = объяснение (+НЗ)] читатель смотрит не только сквозь него на изображаемые события, но и на него и, лишь сопоставляя одно с другим и внося соответствующие поправки в толкование событий, предлагаемое рассказчиком, постигает собственно авторскую позицию. ← [2-е уточняющее пояснение = объяснение (+НЗ)] Об этом очень хорошо писал М. М. Бахтин: “Автор осуществляет себя и свою точку зрения не только на рассказчика, на его речь и его язык. .. но и на предмет рассказа ...”*» (Дол., 216).

В целом именно таков путь формирования нового знания в научном тексте; как будет показано ниже, всякий фрагмент авторской концепции «прогоняется» через множество различных оценочных действий, в результате чего это новое, во-первых, формируется как целостность, во-вторых, становится максимально (насколько это возможно) понятным, ясным, конкретным и – что немаловажно в процессе восприятия объемных научных текстов – узнаваемым для читателя именно как авторское НЗ.

В завершении напомним, что в динамике представления знания оценки редко реализуются в чистом виде, чаще всего изложение в конкретном фрагменте предстает как семантически синкретичное познавательное-оценочное действие по отношению к предмету мысли.

Литература

- Баженова Е.А., 2001, *Научный текст в аспекте политекстуальности*, Пермь.
Библер В.С., 1998, *Сознание и мышление. (Философские предпосылки).* – *Философско-психологические предположения школы диалога культур*, Москва.
Гусев С.С., Тульчинский Г.Л., 1985, *Проблема понимания в философии*, Москва.

- Данилевская Н.В., 2001, «Знание» как объект исследования и механизм выражения познавательной деятельности в научном дискурсе. Разновидности «знания». – *Стереотипность и творчество в тексте*, Пермь.
- Ивин А.А., 2000, *Теория аргументации*, Москва.
- Кликс. Ф., 1983, *Пробуждающееся мышление: У истоков человеческого интеллекта*, Пер. с нем. / общ. ред. Величковского Б.М.; Предисл. Ломова Б.Ф., Москва.
- Кондаков Н.И., 1971, *Логический словарь*, Москва.
- Кожина М.Н., 2001, *Стилистико-текстовый статус и взаимодействие категорий ретроспекции и проспекции в научной речи (интердисциплинарный аспект)* (в соавт. с Я.А. Чиговской). – *Стереотипность и творчество в тексте*, Пермь.
- Котюрова М.П., 1996, *О некоторых особенностях смысловой структуры теоретического текста. – Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв., т. II, ч. I. Стилистика научного текста (общие параметры)*, гл. VIII, Пермь.
- Котюрова М.П., 1988, *Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста*, Красноярск.
- Крымский С.Б., 1974, *Научное знание и принципы его трансформации*, Киев.
- Крымский С.Б., 1989, *Типы и принципы рациональности. – Йолан П.Ф., Крымский С.Б., Парахонский Б.А. Рациональность в науке и культуре*, Киев.
- Леонтьев А.Н., 1975, *Деятельность, сознание, личность*, Москва.
- Лурия А.Р., 1975, *Основные проблемы нейролингвистики*, Москва.
- Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Уемов А.И., 1989, *Принцип простоты и меры сложности*, Москва.
- Матвеева Т.В., 1998, *Стилистика текстовых категорий*, “Stylistyka” VII, Opole.
- Мухелишвили Н.Л., Шрейдер Ю.А., 1989, *Постижение versus понимание*, Ученые записки Тартусского университета, вып. 855, *Текст – культура – семиотика нарратива*, “Труды по знаковым системам” XXIII, Тарту.
- Навозов В.Ф., 1969, *Оценка, ее структура и роль в познании. – Проблемы методологии и логики науки*, вып. 5, Томск.
- Панкрац Ю.Г., 1992, *Пропозициональная форма представления знаний. – Язык и структуры представления знаний*, Сб. Научно-аналитических обзоров, Москва.
- Петров М.К., 1991, *Язык, знак, культура*, Москва.
- Петров М.К., 1992, *Социально-культурные основания развития современной науки*, Москва.
- Ракитов А.И., 1977, *Философские проблемы науки*, Москва.

- Розов М.А., 1977, *Проблемы эмпирического анализа научных знаний*, Новосибирск.
- Рябцева Н.К., 1992, *Мысль как действие, или риторика рассуждения. – Логический анализ языка*, Москва.
- Славин А.В., 1976, *Проблема возникновения нового знания*, Москва.
- Смирнов А.А., 1966, *Проблемы психологии памяти*, Москва.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, ред. М.Н. Кожина, Москва, 2003.
- Швырев В.С., 1984, *Научное познание как деятельность*, Москва.
- Швырев В.С., 1988, *Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы*, Москва.

Список цитированных текстов

- Гинз. Гинзбург В.Л., Киржниц Д.А., 1987, *Высокотемпературная сверхпроводимость (обзор теоретических представлений)*, “Успехи физических наук”, 152, Вып. 4, Москва.
- Дол. Долинин К.А., 1985, *Интерпретация текста: (Французский язык)*, Москва.
- Дубр. Дубровский Д.И., 1988, *Категория идеального и ее соотношение с понятиями индивидуального и общественного сознания*, “Вопросы философии”, № 1, Москва.
- Жин. Жинкин Н.И., 1997, *О кодовых переходах во внутренней речи*, “Риторика. Специализированный проблемный журнал”, Москва.
- Зельд. Зельдович Я.Б., Новиков И.Д., 1969, *Гипотеза о начальном спектре возмущения метрики в модели Фридмана*, Москва.
- К. Колшанский Г.В., 1979, *Проблемы коммуникативной лингвистики*, “Вопросы языкознания”, № 5.
- Ком. Комаров Ф.Ф., Комаров А.Ф., Хоконов М.Х., 1987, *Динамика движения и излучения электронов при аксиальном квазиканализировании*, “Журнал экспериментальной и теоретической физики”, 93, вып. I (7), Москва.
- Сер. Сергеева Е.В., 2002, *Религиозно-философский дискурс В.С.Соловьева: лексический аспект*, Санкт-Петербург.
- Чер. Черных В.Ю., 1999, *Аксиология истории России: современная отечественная история в свете теории ценностей*, Пермь.

The Role of Axiological Aspect in the Forming of New Scientific Knowledge

The dynamics of developing a scientific text reflects the dynamics of a cognitive process. At the same time the changing of the knowledge available in the text from hypothetical to more valid is fulfilled according to the principle of its pithy and thematic accessibility for the broad continuum of special scientific information: proper new knowledge of a researcher becomes scientific only under conditions of its going into the system of available knowledge.

The text analysis shows that the old and new knowledge conflict in scientific communication is not a conflict, but a dialectical unity.

The interaction between already known and new is fulfilled according to the principle of alternation of old and new knowledge components. It is realized in two ways: 1) as an interaction between components of scientifically known and scientifically unknown (author's) knowledge – *intertextual alternation*. 2) as an interaction between the knowledge known according to a certain communication, expressed in the left context and the components of new knowledge, unknown from a certain text and for the first time expressed in it – *intratextual alternation*. It is important that inter- and intratextual alternation pierces through the whole text and thus is normative for a scientific style.

Expressing of the scientifically new knowledge always takes place in “arrangement” of the old (scientific and communicational) knowledge and the “arrangement” is made by author. We can say that the expressing of new knowledge goes according to the principle: “the necessary maximum of old + the possible minimum of new.”

Keywords: *former scientific knowledge, scientific discourse, the text dynamics, axiological aspect of the epistemological situation, the dynamics of cognition.*

[e-mail: danil6@psu.ru]